

РЕЦЕНЗИИ

М. Литовская

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ИРИНЫ ГЛУЩЕНКО «БАРАБАНЩИКИ И ШПИОНЫ. МАРСЕЛЬЕЗА АРКАДИЯ ГАЙДАРА»

Есть писатели, которые не отпускают. Гайдар из их числа. В этом году исполнится 75 лет со дня его смерти, но не проходит, кажется, и месяца, чтобы о его биографии или творчестве не появилось нового публичного разговора. Апологетика пятнадцатилетнего командира полка сменялась разоблачениями «Хайдара-убийцы хакассов», умиленные описания «страны Гайдари» — психоаналитическими разборами неврозов писателя, отразившихся в его текстах. Тексты о Гайдаре, даже самые наукообразные, обычно пристрастны, кажется, что написаны они не по долгу службы, а в ответ на личную потребность. Когда-то много лет назад прочитал человек рассказ «Чук и Гек», «Тимура и его команду», «Голубую чашку» или «Коменданта снежной крепости» и запомнил, что это было замечательно. Потом, уже взрослым, перечитал, с удивлением понял, что хуже не стало — по-прежнему отлично. Почему отлично — не совсем ясно, хочется разобраться.

Автор книги «Барабанщики и шпионы. Марсельеза Аркадия Гайдара» (Серия исследования культуры. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 96 с.) Ирина Глущенко, судя по всему, относится именно к таким «верным читателям». Правда, читатель этот профессионально оснащен культуроведческим багажом и книга его издана в серии «Исследования культуры» НИУ ВШЭ. Концепция серии, и то, что издательство университетское, обусловило и ряд особенностей книги. «Барабанщики и шпионы. Марсельеза Аркадия Гайдара» — своего рода учебное пособие по проверке исследовательской гипотезы, выполненной по всем правилам «академического письма»: введение — интересные (странные, неожиданные) факты — гипотеза — поиск доказательств — заключение. Задаются простые вопросы: от «что делает автор на стра-

ницах этой книги?» [Глущенко, с. 9] до «к чему может привести злоупотребление методом?» [Глущенко, с.87] На них даются, на первый взгляд, простые же ответы: от «главным образом, распутывает связи» [Глущенко, с.9] до «к слиянию и запутыванию всех книг в одну, каковой они в некотором смысле и являются» [Глущенко, с.87].

Польза от подобных книг, по мнению автора рецензии, не нуждается в доказательстве. Написанные по возможности четко и доступно, междисциплинарно фундированные и заметно расширяющие кругозор читателя, они побуждают, особенно начинающих исследователей, искать баланс между наложением готовых теорий на существующие факты и самостоятельным обобщением тех же фактов, из которого в итоге может возникнуть новая теория или хотя бы новый угол зрения на предмет.

Фактом в нашем случае является повесть Гайдара «Судьба барабанщика». К какому обобщению, исследуя этот текст, стремится Ирина Глущенко? По её словам, она видит свою задачу в том, чтобы показать, что «советское существовало и развивалось в рамках общих трендов» [Глущенко, с. 10]. О каких трендах идет речь? В первую очередь, о металитературности, характерной для литературы как вида искусства, в том числе искусства советского. Во вторую — о характерном для русской культуры литературоцентризме, когда исторические, философские, политические идеи проявляются через вымышленную фабулу литературного текста.

Исследовательница задает повести для подростков мировой масштаб, встраивая Гайдара в контекст — не будет преувеличением — шедевров литературы. Набор имен и текстов говорит сам за себя: «Шинель», «Преступление и наказание», «Чайка», «Галлоша» и «Прелести культуры», «Мастер и Маргарита», «Дар», «Лолита». Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Чехов, Зошенко, Булгаков, Набоков. Ирина Глущенко ищет и находит сходные ситуации, мотивы, персонажей: тут тебе и столичная «летняя вонь», раздражающая нервы Родиона Раскольникова и Сережи Щербачева — будущих, кстати, убийц, и «блестящий карнавал», он же маскарад, и нечистая сила — Воланд со свитой и дядя со стариком Яковом, и обманом увезенные из дома одинокие подростки — Лолита и Сережа. Автор вступает в игру с читателем, намеренно сталкивая несоединимые, казалось бы, тексты, например, перепутывая строки из «Судьбы барабанщика», «Дара» и «Мастера и Маргариты».

Что дают эти находки? Понимание неочевидного для профессионального читателя: что тексты Гайдара тысячью нитей связаны с русской литературой и своим временем, что они равновелики этим шедеврам. Что часто мы не понимаем, из какой культуры вырастают прекрасно известные нам произведения. Что писатели одного времени, никогда не встречавшиеся, с разным биографическим анамнезом, видя и оценивая одни и те же события, воплощают их в сходных фабульных ситуациях и мотивных конструкциях.

Вторая глава расшифровывает политические «сигналы», данные Гайдаром в «Судьбе барабанщика». В качестве главной выделяется коллизия, воплощенная во фразе, присутствующей в тексте первой публикации повести: «А теперь посадили его красные — наши» [Глуценко, с. 48]. Фраза эта исчезла уже в следующем переиздании, как исчез, собственно, и первый — так до конца и не опубликованный — вариант повести об осиротевшем подростке. Попытка реконструировать скрытый смысл повести приводит Ирину Глуценко к поискам книги о мальчике-барабанщике на войне. Гайдар, по мнению автора, переворачивает фабулы «Марсельцев» Феликса Гра, «Барабанщика революции» Евгения Хазина, «Барабанщика из Вагтины» Сикста Делорма, акцентируя потенциально заложенную в них историю преданной революции.

В третьей главе исследовательница сначала предлагает взглянуть на тот же объект — повесть Гайдара — еще с одной стороны: как на своего рода «энциклопедию советской городской жизни 1930-х годов». Для этого предлагается «выловить из текста все детали повседневной жизни» [Глуценко, с. 62] и демонстрируется впечатляющий список фрагментов ушедшего мира. Потом предлагается еще раз сменить оптику и посмотреть, как же воспринимали повесть современники Гайдара — ровесники героя, чей читательский опыт кардинально расходился с опытом самого писателя. Они предлагают Гайдару дописать повесть и кое-что в ней переделать. Они хотят узнать, что за человек писатель, который написал так увлекшую их историю. Они тоже хотят сражаться со шпионами. По этим письмам можно попробовать реконструировать психологический портрет советских подростков, набросок такого портрета также предлагается в книге.

По ходу чтения книги Ирины Глуценко удивляешься обнаруженным автором параллелям гайдаровской повести с классическими текстами, заражаешься азартом ее поиска лаконичных

и емких ответов на самой себе же заданные вопросы. Что получает читатель в итоге? Назван еще один важный «прототип» «Судьбы барабанщика». Обнаружены новые неожиданные связи, казалось бы, разноуровневых литературных текстов. Наконец, читатель узнает, как много, оказывается, удастся почерпнуть из литературного текста, если знать, что искать. Поэтому можно понять удовлетворенность автора результатами своего «расследования»: одна из загадок Гайдара разгадана («гениальная уловка с французским барабанщиком» [Глущенко, с. 87]), «*Zeitgeist*» тридцатых годов через набор тем гайдаровской повести еще точнее уловлен, «*почти произвольные параллели*» [Глущенко, с. 86] между классикой литератур детской и взрослой выявлены и к существующим подходам анализа произведения искусства «привязаны».

Что несколько портит впечатление — неожиданный недостаток материала. Книга совсем небольшая: три с половиной листа. Но чем ближе к финалу, тем сильнее ощущение, что автору как будто становится не о чем писать, и она занимает место, вставляя в свой текст почти не откомментированные материалы из фондов РГАЛИ или Литературно-мемориального музея А. П. Гайдара в Арзамасе.

Вызывает недоумение странное для жанра «*культурологического расследования*» [Глущенко, с. 4] отсутствие библиографического аппарата. У всех подходов, примененных автором книги, есть авторы. Метод анализа «*почти произвольных параллелей*», использованный в первой части книги, широко применяется в литературоведении. Собственно, и о Гайдаре такие работы уже имеются: сопоставление капитанских дочек Маши Мироновой и Жени Александровой, предпринятое Мариэттой Чудаковой, сопоставление рассказанного о Гражданской войне Аркадием Гайдаром и Гайто Газдановым, подростками в этой войне участвовавших, автора этой рецензии и Юлии Матвеевой. Сопоставление идей, предложенных в «Тимуре и его команде» Гайдара, и педагогической системы Макаренко, осуществленное Татьяной Кругловой. Это только часть исследований, непосредственно связанных с главной темой изысканий И. Глущенко. Выборка цитат из работ предшественников, упомянутых в книге, по сути, тоже почти произвольна.

Неуместным кажется и некоторое кокетство: автор признается в самонадеянности, «*поскольку мы предположили, что различия между Гайдаром, Булгаковым и Набоковым не так уж непреодолимы*» [Глущенко, с.87]. Предположение это, в общем, никакой самонадеянности не требует, оно очевидно для опытного професси-

онала по причине и генетических (опора авторов на определенный литературный канон), и типологических (например, время создания текстов) сходжений. Об этом сама автор писала во «Введении».

Все эти недостатки существенны, если мы исходим из предположения, что автору было важно показать, *как надо* заниматься исследованием, и менее значимы, если автор хотел просто поделиться результатами своих наблюдений.

Давно уже нет государства, которое «зывается Советской страной», канули в лету пионеры и комсомольцы, полузабыты старые военные конфликты, белогвардейцы и эмигранты в почете, Тимуром назвали козла, прибудившегося к дальневосточному тигру, а тексты Гайдара все продолжают беспокоить читателей. Разгадана ли загадка писателя? Видимо, снова не до конца. Но сделан еще один шаг на пути к разгадке. И надежда на то, что увлеченные исследованием И. Глущенко последователи сделают следующие шаги.